

Живет в Риммониме (Израиль).

* * *

Из ожидания сложились
смирный день, неделя, лето.
То бугенвилей сухожилия
меня удерживают: спета

и песенка моя, и вера
в законы притяженья словом.

Так небо, безнадежно серо,
не отпускает монгольфьера
стоцветный шар. Моя основа,

инстинкты, детские прививки,
заложенные мамой страхи,
привычки вроде «в кофе – сливки»,
стишки в дешёвом альманахе
и пуговицы на запахе

от первой до последней – в сговор
вступили. Держат. Не пускают.
Твой дальний зов запеленгован
и вычислен. О, сколько скарעד

вокруг! И слог, и сад, и совесть –
всем я нужна, необходима:
не будь огня – не станет дыма.
Но беспощаден и сноровист

соблазн летать. На свист. На свет.
Сдаюсь, как под полтавой швед,
иду на зов. Пою и плачу.
Иначе...

* * *

Хочешь, я научу тебя правильно складывать чемодан?
Осторожно и грамотно, бережно, тет-а-тет?
Первый слой – тихий смех, тёплый мех, а вдруг холода.
Вслед за ним – пара бед, как пара привычных кед.

В уголок, аккуратно, чулки, носки, грешки.
И, бретельку к бретельке, – кружавчики тайных слёз.
Так, теперь – груз забот, переложённых строго, почти по-мужски,
удивлением, купленным наАдолго и всерьёз.

Тут – солидность-смокинг: мы же не перекатная голь.
Там – платочки и шарфики: нежный дурманный газ.
Да, в передний-то клапан, естественно, алкоголь.
А рубашку поярче – наверх, для отвода глаз

от секретных карманов. Ну что ж, он почти готов,
с крокодильим упорством зовёт нас хоть раз – посметь.
Что осталось? Проверить главное: где там лежит любовь?
Вот и всё. Погляди, дорогой, как сверкает замочков медь.

Ой, забыли брелок! Чебурашка, подвешенный за ушко,
мягкий, рыжий, доверчивый, дурень, не по годам.

Нет, ничто так не ценится странствующей девушкой,
как надёжно
и грамотно
сложенный
чемодан.

* * *

Я сегодня свой наследный бересклет
отвезла подруге. Попрощались молча.
А когда выдавший виды драндулет
заводиться не хотел, плевался жёлчью
и рычал, что так друзей не отдают,
и что он без бересклета не уедет, –
я заплакала. Истерику мою
наблюдали обалдевшие соседи.
Наблюдали кучевые облака,
точно знавшие, что мною завладеют.
Даже боженька, небрежно, вполглазка,
наблюдал и думал: « Этих иудеек –
кто поймёт их. Помню, бегала к Стене,
объясняла, дескать, в сумерках продрогла,
мол, живёт недостоверно и вчерне,
умоляла то любви, то дороги.
Я услышал, я позволил ей летать,
оторвал от знойной почвы, дал крылатость.
А она – на руль легла в своём В5
и рыдает об Euonymus alatus».

